

Я. К. Грот

**Екатерина II в переписке с
Гриммом**

**Приложение к 34 тому Записок
Имп академии наук №1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Я11

Я11 **Я. К. Грот**
Екатерина II в переписке с Гриммом: Приложение к 34 тому Записок Императорской академии наук №1 / Я. К. Грот – М.: Книга по Требованию, 2021. – 132 с.

ISBN 978-5-4241-5460-7

ISBN 978-5-4241-5460-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

спонденцію», сознавшись, что она служила главнымъ источникомъ «Causeries du lundî» для литературы всей второй половины XVIII столѣтія. Онъ же, относительно отзывовъ Руссо о Гриммѣ, прямо называетъ перваго лжецомъ. Но, говоря объ обстоятельствахъ жизни Гримма, невозможно, по имѣющимся матеріаламъ, съ полною точностію возстановить послѣдовательность измѣненій въ ходѣ судьбы его до сближенія съ Екатериною II. Большею отчетливостію отличаются біографическія о немъ свѣдѣнія, помѣщенные въ извѣстномъ сочиненіи Геттнера ¹⁾, который отчасти пользовался источниками, недоступными французскимъ литераторамъ, напр. перепискою Гримма съ Готшедомъ и документами архива въ Готѣ, но, къ сожалѣнію, Геттнеръ даетъ вѣру также и поддѣланнымъ мемуарамъ Гримма ²⁾, и на основаніи ихъ выводитъ ложныя заключенія о его характерѣ, считаетъ его напр. тайнымъ политическимъ агентомъ разныхъ правительствъ. Для эпохи же сношеній Гримма съ Екатериною II (1774 — 1796 г.) важнѣйшимъ и несомнѣннымъ источникомъ служить самимъ имъ составленная подробная историческая записка (напечатанная во II томѣ *Сборника Истор. Общ.*), въ которой онъ энергически отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе въ передачѣ политическихъ извѣстій императрицѣ, да и въ ея письмахъ нѣтъ никакого признака, чтобы она получала отъ него такого рода сообщенія.

Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, родомъ нѣмецъ, испыталъ довольно рѣдкую участь: съ переселеніемъ въ Парижъ на 25 лѣтнемъ возрастѣ онъ совершенно перерождается во француза и дѣ-

¹⁾ H. Hettner. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, t. II.

²⁾ Въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 30-го іюня 1787 года (стр. 416), упоминается о какомъ-то отрывкѣ изъ записокъ его; это показываетъ, что онъ уже тогда дѣйствительно занимался составленіемъ своихъ записокъ; въ напечатанныхъ же подъ его именемъ мемуарахъ сказано, что онъ писалъ ихъ въ Готѣ, гдѣ онъ жилъ только съ 1796 г. Въ этой книгѣ есть и другія противорѣчія съ фактами, которые извлекаются изъ изданной теперь переписки, а также изъ достовѣрной, имъ составленной исторической записки, о которой мы говоримъ въ текстѣ.

лается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей литературы своего новаго отечества. Сынъ лютеранскаго пастора въ Регенсбургѣ, онъ родился 26 декабря 1723 года, слѣдовательно былъ около шести лѣтъ старше русской императрицы. Любопытно сходство въ ихъ судьбѣ: Екатерина II также родилась въ Германіи и нашла свое призваніе въ другой странѣ; и для нея также языкъ новаго отечества сдѣлался роднымъ, но еще съ дѣтства она усвоила себѣ французскій языкъ какъ свой собственный, и живость ума Гримма, съ этимъ орудіемъ сообщенія, не могла не способствовать, въ значительной степени, его сближенію съ государыней. Образованіе онъ получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ пользовался между прочимъ уроками знаменитаго филолога Эрнести, и уже тогда пробовалъ свои силы въ авторствѣ, въ поэзіи, но писалъ по-нѣмецки и вступилъ въ переписку съ Готшедомъ, слѣдуя строго его теоріи; главнымъ трудомъ его въ это время была трагедія «Баниза», впоследствии и напечатанная Готшедомъ въ собраніи драматическихъ сочиненій; но, написанная по всѣмъ правиламъ старой школы, безъ всякаго одушевленія, она конечно не могла занять почетнаго мѣста въ литературѣ.

По окончаніи университетскаго курса, Гриммъ поступилъ секретаремъ къ посланнику саксонскаго курфюста при имперскомъ сеймѣ, графу Шёнбергу (французы называютъ его Шомберомъ), и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ 1748 или въ началѣ 1749 года, отправился въ Парижъ съ сыномъ этого вельможи, въ качествѣ наставника дѣтей его. Хотя впоследствии ему и ставили въ заслугу, что онъ покинулъ отечество изъ приверженности къ этому семейству, но въ сущности путешествіе въ столицу, считавшуюся центромъ вкуса и изящной литературы, не было жертвованіемъ съ его стороны, тѣмъ болѣе что онъ уже прежде прилежно изучалъ французскій языкъ. Связи, которыя онъ вскорѣ приобрѣлъ въ Парижѣ, и занятое имъ тамъ видное положеніе приковали его къ Франціи до 1792 года, когда революція заставила его возвратиться въ Германію. Изъ настав-

ника дѣтей Шёнберга онъ скоро сдѣлался чтецомъ саксенъ-готскаго наслѣднаго принца, а потомъ поступилъ опять секретаремъ къ саксонцу же, графу Фризену (von Friesen, во французской передѣлкѣ Frède), который послѣ Шёнберга получилъ постъ командира нѣмецкихъ драгуновъ; это былъ племянникъ маршала Морица Саксонскаго, великосвѣтскій развратникъ, обязанный своими успѣхами болѣе знатному родству, чѣмъ своимъ личнымъ качествамъ. Такимъ образомъ Гриммъ, при своемъ остромъ умѣ и обширныхъ познаніяхъ, къ которымъ присоединялся еще и талантъ къ музыкѣ, сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ въ высшемъ обществѣ, а скорѣе сблизился и со многими литераторами. Пасторъ готскаго принца познакомилъ его съ Руссо, а этотъ ввелъ его въ домъ г-жи д'Эпинэ и облегчилъ ему сближеніе съ другими писателями, съ Мармонтелемъ, Дюкло, Дидро, Гольбахомъ, и вообще съ энциклопедистами; съ д'Аламберомъ Гриммъ сошелся, кажется, еще у Шёнберга. Причина непрочности дружбы его съ Руссо заключалась, безъ сомнѣнія, въ характерѣ обоихъ: съ одной стороны строгая положительность, твердость и рѣшительность сужденій, съ другой перевѣсъ чувства и воображеніе при раздражительномъ тщеславіи должны были давать поводъ къ частымъ столкновеніямъ, которыя не могли не привести наконецъ къ разрыву; но надо отдать Гримму справедливость, что онъ въ этой распрѣ велъ себя гораздо благороднѣе своего бывшаго пріятеля: нигдѣ въ своихъ отзывкахъ о сочиненіяхъ Руссо онъ не поддался чувству мести, и всегда съ уваженіемъ говорилъ о его талантѣ.

Очаровательная своимъ умомъ и любезностью, сама авторъ и поэтъ, жена откупщика (*fermier général*), г-жа д'Эпинэ, въ домѣ которой, то въ самомъ Парижѣ, то въ прекрасномъ ея имѣніи въ окрестностяхъ столицы, сходились литературныя знаменитости того времени, была несчастна своимъ бракомъ съ человекомъ, хотя и богатымъ и образованнымъ, но легкомысленнымъ, пустымъ и расточительнымъ. Привязанность ея къ Гримму приняла нѣжный характеръ особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ на одномъ

обѣдѣ съ пріятелями у графа Фризена вступился за ея честь и потому даже выдержалъ поединокъ съ главнымъ изъ ея обвинителей. Утверждали, будто она утаила и уничтожила попавшій въ ея руки документъ о наслѣдствѣ ея родственницы; въ жару спора Гриммъ наконецъ объявилъ, что только тотъ, кто самъ мало дорожитъ честію, можетъ такъ легко безчестить другихъ. Дуэль, послѣдовавшая за этимъ въ саду, обошлась для обоихъ противниковъ легкими ранами. Вскорѣ затерянный документъ отыскался и блистательно оправдалъ поступокъ Гримма. Благодарность г-жи д'Эпина скрѣпила связь, которая продолжалась до конца ея жизни († 1783 г.). Эти отношенія впоследствии отразились и въ перепискѣ Гримма съ императрицею: въ письмахъ къ нему Екатерины II г-жа д'Эпина, съ своею книгою «*Conversations d'Emilie*», съ своею внучкою Mlle de Belzunce и ея дѣтьми, играетъ немаловажную роль. Въ своихъ запискахъ г-жа д'Эпина начертываетъ между прочимъ «портретъ г. Гримма», который такъ начинается: «Лицо его нравится соединеніемъ простодушія съ тонкостью; у него интересная фizioномія, въ наружности ея вообще сказывается небрежность; его жесты, осанка и походка выражаютъ доброту, скромность, лѣнь и чувство неловкости (*embarras*)». Далѣе она говоритъ между прочимъ, что «у него умъ вѣрный, проникательный и глубокій; онъ мыслить и выражается рѣзко, но безъ строгой правильности». По словамъ Руссо, онъ былъ высокаго роста и имѣлъ мутные глаза, которые однакожь не мѣшали ему высказывать большія претензіи; онъ будто бы бѣллся и потому пріятели въ насмѣшку назвали его *Tugan-le-Blanc* (заглавіе одного стариннаго романа, о которомъ Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ); по другому толкованію это прозвище было намекомъ на его нѣсколько самонадѣянный тонъ или даже деспотическій нравъ, который не чуждъ былъ ему по сознанию друга его, Дидро. Лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу Гримма служатъ теплые о немъ отзывы его бывшаго секретаря Мейстера. Для полнаго сужденія о Гриммѣ въ его частной жизни мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ; что ка-

сается его общественнаго и литературнаго характера, то ниже мы увидимъ, что о нихъ можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе.

Послѣ смерти графа Фризена онъ, благодаря покровительству герцога Орлеанскаго, получилъ мѣсто секретаря при маршалѣ д'Эстра (d'Estrées), и въ этомъ качествѣ, въ 1756 году, сопровождалъ его въ вестфальскомъ походѣ, предпринятомъ Французами, въ началѣ Семилѣтней войны, противъ Пруссіи. Съ 1770 годовъ, послѣ путешествія въ Россію, начинается дипломатическое поприще Гримма: до самаго оставленія Парижа въ слѣдствіе революціи онъ оставался тамъ посланникомъ саксенъ-готскаго двора.

Первымъ литературнымъ трудомъ, доставившимъ ему извѣстность, была брошюра «Le petit prophète de Boemischbroda», написанная имъ по поводу спора, волновавшаго Парижанъ, о томъ, какая музыка выше — французская, или италіянская. Поводъ къ разногласію подали прибывшіе въ Парижъ въ 1753 г. италіянскіе пѣвцы. Гриммъ присталъ къ приверженцамъ новизны, и въ своей защитѣ обнаружилъ такъ много веселой ироніи, что самъ Вольтеръ, прочитавъ брошюру его, не могъ не отдать справедливости его остроумію.

Этотъ успѣхъ чрезвычайно возвысилъ Гримма, и сочиненіе его въ короткое время пережило три изданія. Вскорѣ ему удалось создать себѣ новое поприще литературной дѣятельности. Это была «Литературная Корреспонденція» съ нѣсколькими коронованными особами, которая мало по малу сдѣлалась спеціальностію Гримма. Она состояла въ замѣткахъ обо всѣхъ текущихъ явленіяхъ французской литературы, въ высокой степени интересовавшей остальную Европу. Сперва такую корреспонденцію съ однимъ германскимъ (саксенъ-готскимъ) дворомъ скромно велъ извѣстный авторъ «Исторіи обѣихъ Индій», Рейналь; но онъ въ 1753-мъ году передалъ ее Гримму, подъ перомъ котораго она вскорѣ достигла большого развитія, благодаря критическому таланту автора и незначительности тогдашней періодической печат-

ти. Мало по малу читателями этой литературной лѣтописи сдѣлались, кромѣ разныхъ мелкихъ владѣтельныхъ принцевъ Германіи, Фридрихъ II, шведская королева (мать Густава III), Екатерина II и Станиславъ Понятовскій. Сношенія Гримма съ русскимъ дворомъ начались, сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ Государственного архива, съ 1764 года; вскорѣ онъ сталъ посылать помянутую корреспонденцію въ Петербургъ и сдѣлался комиссіонеромъ государыни, напр. участвовалъ въ посредничествѣ при покупкѣ библіотеки Дидро. Но этой такъ-сказать циркулярной корреспонденціи его не должно смѣшивать съ тою, въ которую съ 1774 года удостоила вступить съ нимъ лично русская императрица. Прежняя корреспонденція его могла такъ называться только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и нынче означаются этимъ именемъ извѣстія, регулярно доставляемыя изъ отдаленныхъ мѣстъ въ газеты. Такимъ образомъ Гриммъ можетъ считаться первымъ литературнымъ хроникѣромъ XVIII столѣтія; дѣло это было для него не только почетно, но и прибыльно, такъ какъ, кромѣ коронованныхъ особъ, онъ сообщалъ копии съ своихъ корреспонденцій и частнымъ лицамъ изъ платы, составлявшей обыкновенно по 300 франковъ въ годъ. Это занятіе продолжалъ онъ почти 40 лѣтъ, т. е. до 1790 года, когда конецъ тому положила французская революція. И почти во весь этотъ періодъ онъ исполнялъ предпринятое дѣло одинъ, только на время своихъ отлучекъ поручая его своему секретарю (Мейстеру), или другу Дидро.

Литературныя сужденія Гримма обнаруживаютъ въ немъ много проницательности и вкуса, и ставятъ его гораздо выше Лагарпа и всѣхъ другихъ французскихъ критиковъ того времени; его приговоры новы, смѣлы и мѣтки; рѣдко онъ ошибался въ оцѣнкѣ даже являвшихся въ первый разъ писателей, мѣсто которыхъ сразу опредѣлялъ, такъ что время подтвердило большую часть его отзывовъ. О прежнихъ писателяхъ ему не часто случалось высказываться; но, касаясь ихъ, онъ также не измѣнялъ себѣ: замѣчательно между прочимъ, какъ хорошо онъ понялъ Мон-

тѣня и особенно Шекспира, который тогда еще вовсе не былъ оцѣненъ во Франціи. Такъ же вѣрно онъ судилъ о современной нѣмецкой литературѣ, и уже видѣлъ въ ней зарю близкаго возрожденія. О глубинѣ его политическаго ума свидѣтельствуешь то, что онъ еще въ 1770-хъ годахъ предусматривалъ въ недалекомъ будущемъ неизбежность общественнаго переворота въ Европѣ.

«Литературная Корреспонденція» ¹⁾ Гримма въ первый разъ была издана въ 15-ти томахъ въ 1812 году, при чемъ многія мѣста текста не были допущены къ напечатанію: это заставило одного французскаго критика подивиться, что наполеоновская цензура нашла слишкомъ вольнымъ даже языкъ корреспондента русской императрицы. Впослѣдствіи всѣ исключенныя изъ первоначальнаго изданія мѣста были напечатаны отдѣльнымъ томомъ, который и составилъ дополненіе къ прежнимъ 15-ти.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о личности Гримма можно заключить, что онъ съ нѣкоторыми слабостями, отчасти проистекавшими изъ самыхъ обстоятельствъ его жизни, соединялъ несомнѣнныя достоинства. Необыкновенное знаніе свѣта и людей обезпечивало ему успѣхъ въ высшихъ сферахъ общества. Фридрихъ II, который лично зналъ Гримма и также велъ съ нимъ откровенную переписку, подмѣтилъ въ немъ эту сторону и говорилъ, что немногіе въ такой степени, какъ онъ, обладаютъ умѣньемъ обращаться съ знатными и снискивать ихъ расположеніе, не жертвуя свободою мысли и независимостью характера. Мейстеръ равнымъ образомъ хваля въ Гриммѣ это качество, указываетъ на рано развившееся въ немъ убѣжденіе, что самое полезное въ жизни свойство есть тактъ въ сношеніяхъ съ людьми, — то, что Французы называютъ *esprit de conduite*.

Послѣ всего этого намъ становится понятнымъ то обаятельное впечатлѣніе, которое Гриммъ произвелъ на Екатерину II, когда, уже будучи извѣстенъ ей по своей «Литературной Корреспонденціи», по своимъ связямъ съ энциклопедистами, онъ пред-

¹⁾ Полное заглавіе подлинника см. выше въ примѣч. 4 на 2-й стр.

ставился ей въ сентябрѣ 1773 года. прїѣхавъ въ Петербургъ вслѣдъ за ландграфиней гессенъ-дармштадтской по случаю бракосочетанія дочери ея съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Утвердившіяся тогда между императрицею и имъ задушевныя отношенія, основанныя на полномъ пониманіи другъ друга, продолжались до самой кончины государыни и выразились въ изданной нынѣ Историческомъ Обществомъ перепискѣ. Объ этихъ отношеніяхъ самъ онъ впоследствии составилъ упомянутую выше подробную записку; мы воспользуемся ею въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ.

На другой же день послѣ перваго представленія Гримма, императрица чрезъ генерала Бауэра предложила ему вступить въ русскую службу. Гриммъ, во все время свадебныхъ празднествъ, не давалъ рѣшительнаго отвѣта; по окончаніи же ихъ, замѣчая нѣкоторую къ себѣ холодность, просилъ аудіенціи. Вечеромъ слѣдующаго дня императрица приняла его въ своемъ кабинетѣ. «Войдя», говоритъ онъ, «я увидѣлъ въ ней то величавое выраженіе достоинства, которое было ей такъ свойственно; въ немъ не было ничего суроваго, и тѣмъ не менѣе оно смутило меня. «Итакъ», начала она, «вы желали объясниться со мной: что вы мнѣ скажете?»—Я отвѣчалъ: «Государыня, если Вашему Величеству угодно сохранить этотъ тонъ, то я долженъ буду удалиться, чувствуя, что не могъ бы говорить свободно, и безъ всякой пользы отнялъ бы у Васъ минуты, которыя Вы милостиво дарите мнѣ». При этихъ словахъ императрица приняла привѣтливый видъ и сказала: «Садитесь; поговоримъ о нашихъ дѣлахъ». Въ оправданіе своего нежеланія перейти на службу въ Россію Гриммъ сослался на свое совершенное незнакомство съ русскимъ языкомъ, на свои пятьдесятъ лѣтъ, на новость предстоявшаго ему положенія при дворѣ; въ сущности же, какъ онъ сознается, его пугала мысль о непрочности такого поворота въ судьбѣ его. Эта аудіенція продолжалась болѣе полутора часа; съ тѣхъ поръ императрица часто приглашала Гримма въ свои покои по вечерамъ послѣ карточной игры; вскорѣ ея бесѣды съ нимъ сдѣ-

лались ежедневными, а иногда происходили даже болѣе раза въ день. Но въ февралѣ 1774 года Гриммъ заболѣлъ и около двухъ мѣсяцевъ не могъ являться ко двору. Откланиваясь, онъ долженъ былъ обѣщать, что пріѣдетъ еще разъ послѣ предписаннаго ему врачами путешествія по Италіи; кромѣ того, государыня милостиво потребовала, чтобы онъ письменно извѣщалъ ее о себѣ. Начавшаяся такимъ образомъ переписка продолжалась двадцать два года почти непрерывно, т. е. за исключеніемъ только времени вторичнаго пребыванія Гримма въ Петербургѣ, отъ сентября 1776 года до августа 1777 года. Этотъ новый пріѣздъ его въ Россію совпалъ со вторымъ бракосочетаніемъ великаго князя. Бесѣды, которыхъ Екатерина II тогда удостоивала Гримма, были еще чаще, еще продолжительнѣе прежнихъ: одна изъ нихъ говоритъ онъ, длилась не менѣе семи часовъ сряду.

Во время этого пребыванія Гримма въ Петербургѣ ему еще разъ возобновлено было прежнее предложеніе. Въ запискѣ своей онъ упоминаетъ, что лейбъ-медикъ Роджерсонъ передавалъ ему приглашеніе императрицы принять на себя завѣдываніе училищами, которыя предполагалось учредить подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государыни. Но при этомъ Гриммъ забываетъ о собственноручномъ письмѣ ея, въ которомъ, въ бытность же его въ Петербургѣ, повторено было сказанное предложеніе. Оно напечатано въ дополненіяхъ къ перепискѣ (стр. 696). Въ этомъ письмѣ Екатерина прямо выражаетъ, что признаетъ одного Гримма способнымъ достойно помочь ей въ задуманномъ дѣлѣ, и проситъ отвѣчать ей рѣшительно: «хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и я буду очень рада», прибавляетъ государыня, «если вы отвѣтите согласно съ моимъ желаніемъ, но буду уважать васъ не менѣе, если получу отказъ. Примете ли вы, или не примете. посылаю вамъ 5 т. рублей, которыя послужатъ либо на вашъ обратный путь, либо на первое здѣсь обзаведеніе. Если останетесь, вашъ годовой окладъ тотчасъ будетъ назначенъ и все пойдетъ какъ слѣдуетъ, и вы и я скажемъ: вотъ какъ вы

сдѣлались полезны государству, и вы одни можете оказать пользу этой части, и даже болѣе чѣмъ я, потому что вы гораздо лучше меня ее понимаете». Таково было безграничное довѣріе императрицы къ Гримму; но, не смотря на всѣ эти блестящія обѣщанія, онъ остался твердъ въ своемъ отказѣ и отвѣчалъ, что по незнанію русскаго языка считаетъ себя совершенно неспособнымъ къ предлагаемой ему дѣятельности. Тѣмъ не менѣе ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника съ содержаніемъ по 2 т. рублей въ годъ.

На этотъ разъ онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III и получалъ отъ него приглашеніе посѣтить на обратномъ пути Швецію. Такъ какъ и Екатерина пожелала этого, то онъ отправился черезъ Финляндію и Стокгольмъ. Переписка съ нимъ государыни возобновилась съ прежнимъ постоянствомъ. Черезъ нѣсколько времени, по выраженному имъ желанію, рѣшено было пересылать письма уже не по почтѣ, чтобъ ихъ не задерживало любопытство непрошенныхъ читателей (предметъ частыхъ шутокъ императрицы), а черезъ особыхъ курьеровъ, которые будутъ отправляться изъ Петербурга каждые три мѣсяца. Съ этого-то особенно времени письма съ обѣихъ сторонъ принимаютъ характеръ поденныхъ записокъ. Легко представить себѣ, какое значеніе, вслѣдствіе этого, Гриммъ получалъ въ глазахъ французскаго общества: многіе считали его тайнымъ агентомъ русской императрицы, опаснымъ для Франціи. Вотъ что онъ въ своей запискѣ возражаетъ на это: «Великіе парижскіе политики думаютъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Версали не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустого, чего бы императрица тотчасъ же не узнала черезъ меня въ подробности и со всею точностію. Если бы они могли ознакомиться съ этой объемистой перепискою, то очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ, которыхъ искали, и ничего такого, что по ихъ мнѣнію должно составлять сущность моихъ писемъ. Они не знали меня какъ императрица, и потому имъ не могло быть извѣстно, до какой степени